

РЕЦЕНЗИЯ
на выпускную квалификационную работу
магистранта второго года обучения
образовательной программы «Славистика»
Григорьевой Лидии Михайловны

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЛОЖЕНИЙ ПСАЛТИРИ ЯНА
КОХАНОВСКОГО И ЧЕСЛАВА МИЛОША.

СПбГУ, 2018. 124 с.

Рецензируемая работа посвящена функционально-стилистическим особенностям метафор в текстах, традиционно относимых к религиозному дискурсу. В качестве материала своего исследования магистрант обращается к переводам-переложениям Псалтыри, принадлежащим перу Яна Кохановского и Чеслава Милоша.

Актуальность работы Лидии Григорьевой более значима, нежели это обозначено автором во Введении. Она связана не только со степенью «популярности» Псалтыри – одного из самых частотных текстов, на базе которого в культуре возникали и продолжают возникать метатекстовые интерпретации. Выпускная квалификационная работа вписывается в парадигму исследований, посвящённых становлению польского литературного языка, проблемам отношения Ч. Милоша к католицизму, вопросам «коммуникативной успешности» текстов теологического дискурса и функционально-стилистическому аспекту языка сакральных текстов.

Уточню, что **предметом** исследования становятся не сами метафоры в Псалтыри Я. Кохановского и Ч. Милоша (это объект), а когнитивно-стилистический потенциал этих тропов, поскольку он, несомненно, определяет степень их частотности в анализируемых текстах.

Остановлюсь на **положительных чертах** работы Л. Григорьевой.

В теоретической главе представлен разноплановый материал, позволивший автору показать широкий историко-культурный и методологический фон исследования. В частности, здесь рассматриваются вопросы о композиционном положении Псалтыри в Библии, значимости Псалтири для пространства *Slavia Latina*, причины частого обращения к переводу псалмов в истории польской культуры. Отдельного внимания заслуживает характеристика польских переводов Псалтири, где одновременно отмечается их влияние на развитие польского литературного языка и литературы, становление польской идентичности и другие процессы.

В этой же главе характеризуются тропы, которые далее станут непосредственным объектом анализа: сравнения, метафоры и олицетворения. Отмечается их общий сущностный атрибут – сопоставление, которое может иметь различные формы (сжатое, развёрнутое, скрытое, актуализированное). На примере тропов показана непосредственная связь между материей языка и архетипами национального сознания. Глава завершается параграфом о

возможностях квантитативной лингвистики, которые далее будут использованы для анализа материала.

В соответствии с поставленной целью (характеристика состава и особенностей употребления метафор, с. 5) во Второй главе тропы, выделенные методом сплошной выборки, подвергаются категориальному анализу – распределяются по видам (сравнения, метафоры, олицетворения). Далее устанавливается коэффициент их лексической плотности (таблицы на с. 36-38). На этом основании показывается различная стратегия работы со средствами лексической образности у Я. Кохановского и Ч. Милоша.

Отмечу интересные наблюдения автора при ответах на вопросы о том, насколько частотны сравнения по отношению к метафорам и почему интуитивно (или осознанно) поэты выбирают один троп, а не другой. Наиболее интересная и значимая часть работы – это лингвокультурологическое прочтение (подстрочная интерпретация) с опорой на исторический фон двух псалмов (1 и 39). Прочтение даётся в сопоставительном ключе. Этот фрагмент диссертации можно использовать при разработке курсов по истории польского литературного языка и польской литературы.

Часть моих **замечаний и вопросов** носит дискуссионный характер, предлагая иную точку зрения, или иные возможности для анализа затрагиваемых проблем.

Начну с замечаний формального характера:

- отдельные орфографические ошибки и опiski;
- отсутствует нумерация страниц в тексте;
- отдельные ошибки в сносках. Например, речь о сносках под номерами 28 и 29 (с. 9-10). Они индексируют явно не тот источник, который цитируется на этих страницах;
- нет названий таблиц;
- в библиографическом списке не указаны издательства и число страниц в монографических источниках;
- названия Приложений (Состав метафор), наверное, подразумевает не только их список, но разделение, например, на виды.

Теперь сущностные замечания:

- некоторые источники слависту можно было бы цитировать по оригиналу (речь, например, о «Богословском трактате» Ч. Милоша), а не по работе Н. Горбаневской;
- затрону проблему выделения и категоризации тропов, о которой Л. Григорьева также упоминает. Поскольку в Приложениях представлены контексты, включающие тропы, возникает вопрос о том, как их классифицировать. Например, цитируя Милоша (I

będzie jak drzewo zasadzone u strumieni wód, • które wydaje owoc, kiedy jest jego czas, • i którego liść nie usycha) Вы анализируете эту конструкцию как сравнительную. Но мне кажется, что в структуру сравнения (именно в библейском дискурсе!) «человек как плодоносящее дерево» априорно заложены концептуальные метафоры (или символы): *drzewo, ogród*;

- ни в Библиографии, ни в тексте работы не упоминаются польскоязычные исследования, посвящённые Чеславу Милошу как переводчику сакральных текстов. Думаю, что эти работы (в Интернете в свободном доступе их достаточно, включая предисловие самого Милоша к переводу Псалмов) помогли бы автору расширить представление о стилистике сакральных текстов;
- Почему отправной точкой сопоставления тропов выбрана Библия Якуба Вуека? Например, Милош брал в качестве «образца» «*Psalterz Puławski*».

Сформулирую вопросы к выпускнице:

- Не оспариваю, но прошу подробно прокомментировать Ваше положение:

«Количество метафор, выявленных в тексте Ч. Милоша, преобладает над количеством метафор в тексте Я. Кохановского. Изобилие средств выразительности в Псалтири Милоша по сравнению с текстом Кохановского свидетельствует прежде всего о различии авторских стилей» (с. 36).

Почему именно так? На первый взгляд, у поэта эпохи Возрождения метафор может быть больше. Кстати, в диаграмме на с. 39 плотность метафор у Милоша намного выше, чем у Кохановского. Как это сочетается?

- Объясните, о каких именно образах идёт речь:

«если Я. Кохановский разворачивает мысли Библии в образные картины, как бы поясняя их читателю через образы, то Ч. Милош использует более краткие образы-символы, либо рисует зрительную картину, помогающую читателю визуализировать мысль псалмопевца» (с. 76).

В рамках этого же вопроса покажите, что именно в тропах поэтов идёт от авторской картины мира, а что от национальной (положение на с. 77). В частности, для ответа на этот вопрос можно систематизировать и сопоставить объекты метафорического сопоставления у Я. Кохановского и Ч. Милоша (к каким категориям они принадлежат).

- Как Вы оцениваете «коммуникативную успешность» милошевского переложения? Согласитесь ли Вы с мнением кс. В. Фельского:

«Miłoszowa Księga Psalmów to przekład trochę bezradny, sztywny, pozbawiony polotu i elastyczności».

Подчеркну, что число вопросов во многом объясняется моим интересом к теме представленной работы.

Выпускная квалификационная работа Григорьевой Л.М. соответствует всем требованиям, предъявляемым к данному виду исследований, и заслуживает высокой оценки.

Рецензент:

Д.ф.н., профессор кафедры общего языкознания

Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета Е.Е. Бразговская

27 мая 2018 г.